

1. Дугин, А. Г. Мистерия Евразии / А. Г. Дугин – М. : Арктогея, 1996. – 191 с.

2. Дугин, А. Г. Основы геополитики / А. Г. Дугин – М. : Арктогея-центр, 2000. – 928 с.

3. Морозов, А. В. Идеология евразийства: становление и формы реализации / А. В. Морозов // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе : сб. науч. ст. ; редкол.: М. А. Можейко (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2012 . – С. 6–11.

4. Панарин, А. С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством) / А. С. Панарин. – М. : ЦОП Института философии РАН, 1994. – 262 с.

5. Панарин, А. С. Глобальное политическое прогнозирование / А. С. Панарин. – М. : Алгоритм, 2002. – 352 с.

*И. В. Морозов, доктор культурологии,
профессор, профессор кафедры менеджмента
социально-культурной деятельности*

ИННОВАЦИОННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ В КУЛЬТУРЕ: ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Innovation Driven Society [3], или «инновационным обществом», аргументировано стали называть современную социальную формацию, подчеркивая значимость приумножения знаний в области того, что уже устоялось в наших представлениях, как информационное общество. Фактически сбылось предвидение, что «мы вступаем в новый этап цивилизации, на котором движущей силой являются ценности, создаваемые знаниями [2], т. е. дальнейший прогресс в обществе возможен только на основе знаний, что знаменует переход от «материальной» к «интеллектуальной» экономике знаний. Однако на Западе, откуда и пришло данное утверждение, есть поговорка: «ты можешь знать все на свете, но это не делает тебя здравомыслящим». Иначе говоря, непререкаемый культ знаний как таковых, безоглядная научность и тем более псевдонаучность, не выражает и не обогащает принципиальное существо человека, но ограничивает его, закрепощает, поскольку, соглашаясь с Н. Бердяевым, научность есть рабство духа, лишь одно из выражений утери свободы творческого духа [1].

В этой связи переход от «материальной» к «интеллектуальной» экономике и «творческой» культуре требует адекватных инновационных процессов и управления ими. Весь послереволюционный период прошел под знаком поиска наиболее эффективного управления культурой, управления предельно жесткого, структурированного, понимаемого как сугубо административное. Поэтому все проблемы в культуре пытались разрешать, прежде всего, возвеличиванием роли государственного аппарата и системы управления в соответствии с некой единой «генеральной линией». Общегуманитарные жертвы и издержки во всех сферах культуры – науке, искусстве и религии – неоценимы, хотя многое общеизвестно. Пусть и не долговременный, противоречивый опыт ослабления, «разморозки» этой системы (вспомним пресловутую хрущевскую «оттепель») отмечен ярким всплеском в культуре, что было достигнуто если не паритетом между административным и «человеческим фактором», то, по крайней мере, возмужанием роли творца, всегда априори неповторимого и непредсказуемого, «непланируемого».

Инновационная продуктивность «человеческого фактора» не предопределяется всецело объективными факторами (существующими законами, финансово-материальными, техническими возможностями), но обусловлена «зрелостью» и готовностью социокультурной среды воспринять и структурно-институционно закрепить предлагаемое нововведение, а также, точнее, прежде всего, наличием генераторов инновационных идей и подвижников их к претворению в жизнь, в культуру. При этом важно принимать в расчет, что диапазон восприимчивости нововведений у людей достаточно широк: от состояния эквоанимо (лат. *aeguo animo* – безразлично), до обскурантизма (лат. *obscurans* – затемненный), то есть от состояния безразличия до мракобесия, крайне враждебного отношения к просвещению, науке, ко всему новому (неофобия).

В конечном итоге все эти личностные проявления служат критерием инновационной культуры человека, отражающей его ценностную ориентацию, закрепленную в мотивах, знаниях, умениях, навыках, образцах и нормах поведения и обеспечивающая удовлетворение его творческих потребностей, развития творческого и критического – инновационного мышления.

В контексте «инновационного общества» для личности эти качества востребованы и проявляются наиболее ярко и энергично, досуг и работа становятся фактически неразделимы в творческом континууме, что порождает особое мировосприятие себя-в-мире. А также принятие неожиданной, но потаенно желанной роли в социуме, что ныне мы именуем просьюмеризмом (О. Тоффлер, В. Л. Иноземцев). Мотивация инноваций меняет свои приоритеты от сугубо прагматических и меркантильных к удовлетворению своих творческих потребностей и удовольствию, а то и счастью. И плоды своего творчества все более воспринимаются с позиций их инновационных достоинств, а не материальных доходов и сиюминутных выгод.

Повышение инновационной культуры приобретает все более личностный характер и настраивает на преодоление препятствий также преимущественно личностного характера. Это и антиконформизм, нежелание быть похожим на других, и освобождение от страха иметь и высказывать свое мнение. Или болезненная, снобистская самоуверенность, а также творческая ипохондрия – чрезмерное внимание к своему творческому проявлению, чреватое мнительностью, отчаянной убежденности в творческом бесплодии. Согласно «алгоритму креативности», механизм зарождения гениальной и самой банальной идеи один и тот же – это механизм «проб и ошибок». В художественном творчестве эта диалектика если и работает, то в парадоксальной форме, поскольку здесь ошибок как таковых может не существовать в принципе. Поэтому мастерство творческой личности должно включать в себя и способность к так называемому синектическому *остранению*^{*}, т. е. умению увидеть в привычном, обыденном нечто нестандартное, «странное». Или, наоборот, умение «превратить» самую неожиданную фантазию (бредовую идею) в нечто само собой разумеющееся. Здесь зачастую побеждает не здравый смысл и догма опыта, не логические силлогизмы, но поэтические образы, метафоры и полисемантические символы. Это диалектика от «не может быть» через «в этом что-то есть» к «иначе и быть не может». Только так и делается инновационный прорыв в твердых стереотипах и всевозможных фобий.

* Написание этого термина с одной «н» было опiskой, но прижилось именно в таком виде.

Ныне должно быть признано, что управление, менеджмент в разных сферах творческой деятельности имеет специфическую «объективность» и эффективность, поскольку командные, отраслевые, территориальные, хронометрические (по годам, пятилеткам и пр.) принципы ее планирования, организации и оценки не приносят должного эффекта. При том, что количественные, формальные показатели могут и удовлетворять неким предшествующим планам.

Инновационная культура человека не находится в прямой зависимости от внешних «нечеловеческих» факторов. Тем не менее, на принятие решения существенное влияние оказывает феномен «выученной беспомощности» (М. Селингам), или, как его еще можно назвать, внушенной немощности, подавляющей всякую инициативу через хроническую неуверенность в своей правоте и опасливом нежелании выдвигать собственные идеи, что является атрибутом все той же концепции жесткого администрирования как на уровне локального коллектива, так и в сфере культуры в целом, где феномен внушенной немощности принимается как нормальное явление. Таким образом, пресловутый тезис – «кадры решают все» – как правило подразумевает решение уже существующих проблем, которые решают, но нередко достойно решить не могут. В отличие от этого консервативно-догматического принципа, инновационный принцип, высвобождающий «человеческий фактор», напротив предполагает «превентивный» подход, то есть постановку новаторской проблемы, обозначающую поиск неведанных путей культурогенеза.

1. Бердяев, Н. А. *Философия свободы. Смысл творчества* / Н. А. Бердяев. – М. : Правда, 1989. – 608 с.

2. Сакайя, Т. *Стоимость, создаваемая знаниями, или история будущего* / Т. Сакайя // *Новая индустриальная волна на Западе : Антология* / под ред. В. Л. Иноземцева. – М., 1999. – С. 337–371.

3. *Christopher, Freeman. Diffusion: The Spread of New Technology to Firms, Sectors and Nations* / Freeman Christopher. – Oxford, 1988. – P. 38–70.